

вопрос Михаил VIII считал более важным препятствием к объединению, чем признание первенства папы, его апелляционного суда и поминовение папы за литургией¹⁰. Но был ли василевс в данном случае искренним, и не старался ли он представить малозначительной уступкой то, что само по себе вызывало противодействие многих византийцев? В таком случае патриарх Иоанн, сосредоточившись в своей полемике исключительно на богословском, а не иерархическом, вопросе, избрал не вполне верную тактику.

Слабость полемической деятельности Векка не раз отмечал Пахимер. Согласно историку, еще до избрания великого хартофилака на патриарший престол его рассуждения, уснащенные святоотеческими цитатами, не имели действия на архиереев¹¹. Чтобы не показаться покушающимся на догматы, патриарх Иоанн обещал было великому эконому Ксифилину ничего не писать в опровержение хулителей Filioque, однако позже нарушил данное слово¹². При этом он не стал останавливаться на немногих ясных положениях, но приводил вместе с ними и противоречивые рассуждения – ведь ему, по словам Пахимера, жизнь была не в жизнь, если он не доказывал с помощью Писания, что отвергающие мир с “латинянами” ошибаются. Как полагал историк, вместо этого патриарху следовало скорее молчать и кротко переносить порицания¹³.

А.В. Бармин

Life and Works of Saint Gregentios, Archbishop of Taphar. Introduction, Critical Edition and Translation / Ed. Albrecht Berger. With a Contribution by Gianfranco Fiaccadori (Millennium Studies. Vol. 7). Berlin; New York: “Walter de Gruyter”, 2006. 915 p.

“Досье св. Григентия” пользовалось большой популярностью у византийцев. В рецензируемом издании для конституции текста привлечены 34 рукописи, созданные до XVII в. и еще 20 более поздних оставлены “за бортом”. Гигантский по объему текст был переведен на славянский (эта линия оставлена Бергером без всякого внимания, поскольку перевод был выполнен с позднего извода памятника) и новогреческий (это еще 10 рукописей). Но вот исследовательская судьба памятника сложилась несчастливо: с одной стороны, первая публикация одной из частей “Досье” относится уже к 1586 г., но с другой – критическое издание самого основного текста, собственно Жития Григентия, дождалась своего часа слишком долго: еще А.А. Васильев в 1909 г. напечатал небольшие отрывки, показавшиеся ему исторически важными. Впоследствии к памятнику подступались многие ученые, но всех отпугивал гигантский объем и пышная стемма. Между тем, хотя критического издания и не существовало, сам текст многократно привлекался в дискуссиях на самые разнообразие темы, затрагивавшие главным образом не само житие, а два других памятника, составляющих “Досье”: “Диалог с иудеем” и “Законы химьяритов”. Первый служил аргументом в полемике вокруг “еврейского вопроса” в Византии, второй – когда дебатировалась византийская юриспруденция, история Южной Аравии, возникновение ислама, внешняя политика Византии и ее миссионерство.

Между тем все эти вопросы невозможно даже корректно сформулировать, не ответив на главный: когда и где создан текст? А вот здесь как раз ясности и не было. Единственное известное историческое событие, к которому он накрепко привязан, – это война Эфиопии против Химьяритского царства (совр. Йемен) случившаяся в правление и при поддержке Юстина I, т.е. в начале VI в. Однако первые же строки жития, сообщающие, что святой родился в “Липляне”, которую вскоре разорили “авары”, указывают, как минимум, на конец VI в. Кстати говоря, топоним «Любляна» в житии является самой ранней его фиксацией вообще (с. 15). Более вдумчивое исследование памятника отодвигало его датировку ко все более позднему периоду по состоянию историографии 2003 г. зафиксировало ее на середине IX в. Эвелин Патлажан (не опубликовавшая свою диссертацию на данные темы) предложила эту дату и к

¹⁰ Ibid. 5, 18,20 (*Georges Pachymérés*. P. 495–497, 505).

¹¹ Ibid. 5, 18 (*Georges Pachymérés*. P. 495).

¹² Ibid. 5, 28; 6, 23 (*Georges Pachymérés*. P. 531, 603).

¹³ Ibid. 6, 23 (*Georges Pachymérés*. P. 605–607).

тому же считала, что текст появился в грекоязычной монашеской среде Рима. Такой датировки еще в 2003 г. придерживался и сам Альбрехт Бергер, много лет готовивший памятник к публикации. Однако перед самым завершением работы он изменил свое мнение, так что в рецензируемом издании фигурирует еще более поздняя дата – середина X в. Датировать текст еще более поздним временем невозможно, поскольку в XI в. Григентий упоминается в константинопольском Синаксаре. Уже сами эти колебания указывают на то, сколь сложна проблема датировки.

Теперь об истории складывания нашего текста. Выглядит она так: в середине X в. один из монахов константинопольской обители Максимиана (с. 40–41) написал “Диалог с иудеем”. При этом он вовсе не имел в виду христианизаторских усилий Василия I, как это считалось ранее, а писал “из головы”, не сообразуясь ни с какими конкретными поводами. Потом тот же автор решил “присочинить” к “Диалогу” некий новый сюжет. Так, на втором этапе его работы, возникло искусственное имя “Григентий”, созданное из Григория Агринтского (с. 28–31). Правда, издатели признают, что “Диалог” написан более возвышенным слогом, нежели Житие (с. 107), но тем не менее настаивают на едином авторстве. При создании Жития использовалось несколько различных источников, имевшихся в монастырской библиотеке: в частности некий путеводитель по Северной Италии (с. 14–28), написанный еще до того, как венецианский остров Мурано уступил первенство Риальто. Если этот реконструируемый издателем источник отличается весьма низким качеством и краткостью, то другой текст, из которого наш агиограф черпал сведения о Риме, наоборот, весьма пространен (с. 33–39). Используя эти тексты (уже найденные автором в греческих переводах), агиограф придумал фигуру путешествующего святого и приурочил фиктивные эпизоды его жития к топонимам, найденным в путеводителях.

Еще одним важным источником для агиографа стал восточный текст, повествовавший о событиях VI в. в Южной Аравии, причем сам этот гипотетический памятник не прямо восходил к описываемым событиям, а прошел через много посредующих обработок (с. 49). Многие имена, встречающиеся в тексте, указывают на то, что они первоначально были записаны унциалом (с. 50, 55, 59, 69). Самую раннюю основу этого источника составил рассказ о некоем изначально безымянном епископе, который был поставлен йеменским царем Абреха после 536 г., когда химьяриты освободились от эфиопской опеки (с. 75). Текст, попавший в руки агиографа, был написан по-гречески где-то в мелькитской среде на Синае или в Палестине в IX в. (с. 80). Агиограф лишь подставил в него имя Григентия.

Что же касается “Законов химьяритов”, то этот, самый последний по времени возникновения памятник в “Досье”, не является не только реальным законодательным документом (каким его считала, к примеру, Н.В. Пигулевская, да и многие другие), но даже и миссионерским планом, пусть относившимся к другому времени, но все же исходившим от людей, облеченных хоть какой-то властью (так склонен был думать и автор данной рецензии). Это всего лишь необузданная фантазия все того же монаха, не имевшего в виду “дисциплинировать варваров”, а скорее обращавшего свою жестокую утопию к соотечественникам (с. 86–89).

Выводы, к которым приходят издатели, кажутся весьма радикальными: оказывается, все, вокруг чего было сломано столько копий, есть не более чем нелепый вымысел одного монаха, который никогда не выезжал из Константинополя, не видел ни Рима, ни Наджрана, не имел доступа ни к государственным архивам, ни к свидетельствам очевидцев. Но каков же должен был быть масштаб этой фальсификации!

Издание Жития (все тексты приведены с параллельным английским переводом) занимает страницы с 188 по 410, “Законы” – с 410 по 449, «Диалог» – с 450 по 803. В приложении изданы сокращенная версия Жития (с. 805–815) и литургические тексты, посвященные Григентию (с. 816–829). Издание снабжено библиографией (с. 831–862) и указателями (с. 863–915). Нужно выразить глубочайшую признательность А. Бергеру, скрупулезно подготовившему столь грандиозное издание. В качестве единственного упрека ему можно выставить то, что нигде во введении не нашлось места для общего взгляда на историю создания текста и хронологической схемы, которая демонстрировала бы, в какой момент и где возник и был переведен каждый из источников, легших в основу “Досье”. Совсем уж мелким замечанием к столь огромному изданию выглядит довольно существенное количество опечаток, обнаруженных мною в английском тексте.

Перед византинистами это издание ставит совершенно новые исследовательские задачи: пусть на современный взгляд “Досье св. Григентия” выглядит нелепым и аляповатым текстом, самим византийцам оно таковым совершенно не казалось. Так, чем же оно нравилось читателю? Сказывалась ли тут жажда узнать про далекие страны? Или утопия “Законов” бы-

ла по сердцу тем самым читателям, которые с восторгом принимали обличительные речи Андрея Юродивого или Нифонта Константианского? Вообще заслуживает особого внимания связь Жития Григения с гиганскими “народными” житиями X в. – не только Василия Нового (на что особый акцент делает А. Бергер), но и Андрея и Нифонта. Ведь в Житии Нифонта мы с удивлением обнаруживаем целый раздел, посвященный опровержению “расизма” и доказательствам того, что черные черны не из-за своих грехов; наоборот, Нифонт предлагает целую “антологию” о темнокожих святых. В чем же состояла актуальность подобной полемики в Константинополе второй половины X в., где, насколько нам известно, темнокожие люди встречались редко? Если мы узнаем причины этого, то, может быть, нам станет понятнее и появление “Именских” глав в Житии. А может быть, “миссионерские” эпизоды Жития надо поставить в связь с успешными крещениями “варваров”, проведенными Византией в X в.? Особого внимания заслуживает и язык памятника – это вопрос во введении затронут, к сожалению, лишь вскользь. Установить грамматические и лексические сходства “Досье” с тем кругом текстов, которые теперь, при новой датировке, попадают в один с ним литературный круг, – дело будущего. Все эти вопросы можно ставить теперь, когда у нас есть замечательное критическое издание Альбрехта Бергера.

С.А. Иванов